

МИФЫ О РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ

А.В. Лукин, П.В. Лукин

От Редакции. В первой части статьи рассматриваются некоторые наиболее распространенные постулаты теории особой и извечной авторитарности российской политической культуры. На примерах работ известных западных советологов и русоведов анализируются такие ее компоненты, как концепция уникальности или “восточности” российской политической культуры, якобы обусловленной слабостью начал самоуправления на всей протяженности российской истории, а также представления об отсутствии преемственности между культурой России и римской традицией, культурой Киевской Руси, о предопределяющей роли географических факторов, о влиянии сельской периферийной общины и др.

ФЕОДАЛИЗМ И ОТСУТСТВИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Определение феодализма — вопрос крайне сложный и запутанный. Среди историков ведутся споры не только том, что такое феодализм, но и о том, существовал ли он вообще в какой-либо стране в чистом виде. Расширительное толкование (политическая раздробленность) позволяет определять как феодальные политические системы даже таких отдаленных стран, как Япония и Китай на определенных этапах их истории. Если же отличительным признаком феодализма считать сеньориальный (вотчинный) строй, как это делали в том числе и марксисты, то феодализм обнаружится вообще практически везде, начиная с Древнего Египта, где существовало крупное землевладение и эксплуатируемые землевладельцами непосредственные производители (такая теория существовала в советской науке). Узкое же толкование феодализма как свода правил и принципов, сформулированных в западноевропейской литературе, может привести к позиции, что феодализм существовал лишь в области идеологии, которой ни одна общественная система не соответствовала [см. Reynolds 1994]. В любом случае, если и считать, что в России не было классического феодализма, на всех этапах средневековья в ней существовали определенные правила отношений между представителями правящих элит, сформулированные в том числе и письменно, правила наследования и т.п.

В то же время, если и допустить, что нигде на Руси не было феодализма: ни в Киеве, ни в Москве, ни в Новгороде, то влияние этого фактора на политическое развитие не очевидно. Не вполне понятно, почему схожие нефеодальные социально-экономические формы породили самые разные политические формы (или, по крайней мере, соответствовали им): складывавшееся самодержавие в Москве и вечевые республики на северо-западе, существовавшие в Новгороде до 1478 г., а в Пскове — до 1510 г., и уничтоженным насиль-

ЛУКИН Александр Владимирович, доктор исторических наук, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО(У) МИД России; ЛУКИН Павел Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Окончание, начало см. № 1, 2009.

ственно. Напрашивается вывод, что здесь дело не в феодализме, и причины особенностей московской государственной модели надо искать в другом.

Среди “авторитаристов” распространено мнение, что в основе исконного российского авторитаризма и тоталитаризма лежит отсутствие или неразвитость частной собственности. Так, Р.Пайпс пишет: “Можно сказать, что наличие частной собственности как сферы, над которой государственная власть, как правило, не имеет юрисдикции, есть фактор, отличающий западный политический опыт от всех прочих... Россия принадлежит *par excellence* к той категории государств, которые политическая и социологическая литература обычно определяет как “вотчинные” (*patrimonial*). В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно и сувереном государства и его собственником” [Пайпс 1993: 10-11].

“Вотчинная” теория — отнюдь не изобретение Р.Пайпса. Эта конструкция XIX в., выдвинутая еще В.О.Ключевским. Отдельные ее элементы сохраняют актуальность, но в целом эта схема устарела. Факты, которые не вписываются в концепцию, ее сегодняшними сторонниками не замечаются. Ничего не говорится, например, о Земских соборах и выборном местном самоуправлении, определенной юридической и хозяйственной самостоятельности Церкви, существовавшем до XVI в. праве боярского отъезда (которое прямо противоречит рассуждению Пайпса о том, что никто не мог уехать из княжества против воли князя).

Другие факты, приводимые Пайпсом и его сторонниками, могут быть интерпретированы неоднозначно. Например, понятие “вотчина” (“отчина”) применительно к княжеству существовало еще в Древней Руси и ни в коей мере не является московским нововведением [ПСРЛ 1998: 256-257]. Возможно, опираясь на материалы официальной идеологии, можно получить вполне стройное представление о Русском государстве московского периода, как о личной собственности благочестивого царя, который печется о своих “холопах” как о родных детях, а те чтят его как земного бога. Но, с другой стороны, если мы привлечем источники неофициального происхождения (следственные дела о “государевых” и “еретических” делах, материалы о городских восстаниях, старообрядческие сочинения и т.д.), то увидим гораздо более сложную картину. Здесь и представления об ограниченности царской власти “божественным законом”, понимаемым не в секулярном смысле как отделенные от мирской жизни религиозные нормы, а чрезвычайно широко, затрагивающим в том числе и, по словам протопопа Аввакума, “мирскую правду”. Здесь и представления о свободе и достоинстве личности (особенно ярко выраженные опять-таки в сочинениях старообрядцев), но не в светском новоевропейском преломлении, а в средневековом православном. Здесь и идея о необходимости решать все дела в государстве путем совета царя “со всей землей”. Здесь и реальное функционирование местных земских органов, часто вступавших в конфликты с воеводской администрацией и, более того, не раз в этих конфликтах одерживавших верх. Все эти вопросы обсуждаются в современной исторической науке, но, к сожалению, работы историков оставались и остаются вне поля зрения “советологов” и специалистов по российской политической культуре.

Идея отделить Европу от других частей света по признаку наличия или отсутствия частной собственности, прежде всего на землю, имеет давнюю исто-

рию. Ее истоком можно считать записки французского публициста Ф. Бернье о поездке в Индию, в которых он пишет, что почти все земли в Индии составляли собственность Великого Могола [Бернье 1936: 206]. Впечатления Бернье сложились под влиянием его политической позиции: он пытался доказать, что для Франции было бы губительно передать всю землю в собственность короля (а, по некоторым данным, Людовик XIV рассматривал такую возможность, о чем, кстати, не любят упоминать сторонники российской исключительности) [см. Савин 1930: 18].

Мысли о том, что вся земля в государстве по праву должна принадлежать королю, приходила в голову не только французским, но и английским властителям. Например, Яков I в опубликованной в 1598 г. книге “Истинный закон свободных монархий”, в которой он изложил теорию божественного права монарха, писал: “[Короли появились] раньше любых сословий или категорий людей, раньше созыва любых парламентов или составления законов, и они распределяли землю, которая первоначально полностью принадлежала им. И из этого с необходимостью следует, что короли были авторами и создателями законов, а не законы – королей” [цит. по Willson 1963: 132]. Вряд ли на основании подобных идеологических конструкций, которые мало отличались от высказываний восточных владык, можно делать выводы об отсутствии частной собственности в Англии и Франции или определять их политический строй как деспотический.

Идеи Ф. Бернье, высказанные прежде всего с политическими целями, были заимствованы и развиты уже в качестве “научных” некоторыми экономистами, увидевшими в отсутствии частной собственности экономическую основу “азиатского деспотизма”, который, как считалось еще со времен Древней Греции, отличал азиатские политические системы от европейских. Так, согласно Дж. С. Миллю, в Азии прибавочный продукт присваивало правительство, создавая гигантский бюрократический аппарат и перераспределяя национальное богатство в свою пользу [см. Милль 1980]. Вслед за Миллем К. Маркс описывает “азиатский способ производства” как противостояние деспотической власти государства, обладающего исключительным правом на землю, и разрозненных крестьянских общин [см. Маркс 1962: 354].

Теория коренного отличия экономических систем Востока и Запада, естественно, распространилась среди марксистов, и получила новое дыхание после выхода в 1957 г. работы К.-А. Витфогеля “Восточный деспотизм”. Этот американец немецкого происхождения, бывший марксист, работавший в 20-е годы XX в. в Китае, связывал отсутствие частной собственности и деспотизм восточных обществ с характером ведения там “земельно-водного хозяйства” [Wittfogel 1957: 440]. Теория Витфогеля стала синтезом разрабатывавшейся примерно в то же время западными политологами концепции “тоталитаризма”, в рамках которой Германия эпохи А. Гитлера и коммунистический СССР рассматривались как новый тип общества тотального контроля, основанного, в частности, на достижениях технического прогресса [Friedrich, Brzezinski 1966], с марксистскими теориями “азиатского способа производства”. Она подчеркивала типологическое сходство советского общественного устройства с традиционными обществами Востока, как основанными на “тотальной власти”.

Концепция Витфогеля получила большую популярность среди тех исследователей как внутри СССР, так и за рубежом, которые, придерживаясь либе-

ральной ориентации, пытались найти теоретические основы отличий советского режима от западных демократий (М.С.Восленский, А.В.Меликсетов, Л.С.Васильев) [Восленский 1991: 611-612]. Так, специалист по древней китайской государственности Л.С.Васильев утверждал, что Россия с древности всегда была частью незападного мира с присущим ему деспотизмом, основанном на отсутствии частной собственности на землю, а советская коммунистическая система — возрождением этого деспотизма в наиболее радикальной форме [Васильев 1990: 7].

Рассуждения “авторитаристов” о том, что Запад отличается от не-Запада наличием четко гарантированной законом частной собственности, и отношение России к не-Западу по этому показателю, безусловно, лежат в русле этих воззрений. Кроме политического стремления отделить Россию от “демократического” Запада и найти экономическое обоснование “западной демократии”, за ними стоит теоретическое непонимание или недооценка различия между реальным положением дел и декларациями властей, претендующих на владение всем в государстве или пытающихся создать впечатление, что им все принадлежит, включая и “детей-подданных” (такие высказывания до недавнего времени были нередки и на Западе).

Сегодня никто из серьезных исследователей Индии, Китая и других государств Востока не сомневается в существовании там частной собственности на землю. Другое дело, что эта собственность была там, как и до определенного времени в Западной Европе и в России, иерархична и не вполне определена, т.е. один и тот же надел мог считаться одновременно собственностью крестьянина, общины и государства (в Европе — еще и феодала). Однако иерархичность собственности не означала отсутствие частной собственности [Алаев 2000: 283].

Новая теория отличия Запада от не-Запада была сформулирована именно на основе вывода о незащищенности собственника от государственной власти, которая мешала развитию частной собственности [Меликсетов 1977: 8-9]. Вопрос о том, верно ли это для обществ Китая или Индии — не предмет данной работы. Зарождение собственности на землю в любой стране крайне не просто. Средневековая Западная Европа не знала частной собственности на землю в современном смысле: права собственности были условны (обусловлены службой) и иерархичны, хотя рецепция римского права, безусловно, стимулировала юридическое понимание собственности.

Права частной собственности по отношению к государству не абсолютны даже в современной Европе: обычно государство при определенных чрезвычайных условиях имеет право на их ограничение, например, во время войн или стихийных бедствий. Так что это вопрос степени и конкретной исторической эпохи. Не вызывает сомнения, что защищенность частной собственности в западноевропейских странах развивалась раньше и в большей степени, чем в Индии и Китае. И именно поэтому вопрос о влиянии частной собственности на политическую структуру и политическую культуру скорее должен быть интерпретирован в обратном направлении: не частная собственность стала гарантом существования правового государства, а, наоборот, наличие определенных правовых и политических представлений, связанных как с римским правом, так и с западным христианством (теория

“естественных прав”), постепенно привели в Западной Европе к большим гарантиям прав собственности, правовому государству и разделению властей.

Вопрос о частной собственности на Руси чрезвычайно сложен, и ответ на него в значительной степени зависит от трактовки самого понятия “частная собственность”. Если под ней понимать право свободного распоряжения движимым и недвижимым имуществом, то такой институт, несомненно, существовал на Руси. Так, в духовной грамоте (завещании) Ивана Калиты (1339 г.) есть ряд указаний о покупке московским великим князем нескольких сел у частных лиц. Если перенестись на более низкий уровень социальной иерархии, то там мы также обнаружим частную собственность.

В более позднее время (XVI-XVII вв.) ситуация меняется. Распространяется владение землей на поместном праве — т.е. “держание”, обусловленное службой. В соответствии с реформами “Избранной рады” в середине XVI в. этот принцип распространяется и на вотчинников. Однако частная собственность не исчезает. Ее элементы могут быть обнаружены, по мнению ряда исследователей, в земельных владельческих правах на землю “черносошных” (т.е. не находившихся под властью какого-либо частного лица) крестьян, которые составляли основную часть населения Русского Севера в XVI-XVII вв. [Копанев 1978: 47].

В любом случае, традиции самоуправления и частная собственность не предотвратили установления тоталитарных режимов в самом сердце Европы: в Германии и Италии. Эти режимы были уничтожены лишь в результате военного поражения, и никому не известно, сколько бы они просуществовали без войны, в то время как тоталитаризм в России пал в основном из-за недовольства населения, т.е. по внутренним причинам. Очевидно и то, что демократическая политическая система может привиться в государствах, которые в куда меньшей степени, чем Россия, были знакомы с западноевропейским феодализмом, римским правом и концепцией частной собственности (Индия, Южная Корея, Япония, Индонезия, Тайвань). Древняя Греция также не знала феодализма. Таким образом, хотя исторически современная правовая система и демократия выросли из феодализма, римского права, городского самоуправления, сословного представительства и т.д., существование этих традиций не может быть признано единственно возможной почвой для их возникновения и, тем более, гарантией того, что они возникнут и укрепятся. Кроме того, политическая система, основанная на верховенстве закона и разделении властей, ставшая основой демократии, впервые возникла и утвердилась в Британии, государстве, где римские традиции были довольно слабы (по сравнению с Италией, Германией или Испанией), а феодализм — довольно специфическим. Лишь позднее эта система распространилась на другие европейские государства.

БОРЬБА АВТОРИТАРИЗМА И ДЕМОКРАТИЗМА В РУССКОЙ ИСТОРИИ

В последнее время некоторые политологи подвергли сомнению теорию полного доминирования авторитарной тенденции в российской политической культуре. В противовес ей была выдвинута концепция “двух культур”, борющихся друг с другом на протяжении истории: официальной и оппозиционной, централизаторской и центробежной, авторитарной и демократической. Согласно этой теории СССР позаимствовал и развил лишь черты офи-

циальной дореволюционной политической культуры, попытавшись уничтожить все достижения альтернативной “демократической”. Так, в опубликованной в 1995 г. книге “Возрождение российской демократии” американский политолог Н.Петро утверждает, что “борьба за российское гражданское общество может быть обнаружена со времен Московского княжества через коллапс коммунизма и далее” [Petro 1995: 2-3]. К альтернативной политической культуре он относит идеи ограничения монархии и функционирование представительных органов, “симфонический” идеал отношения светской и духовной власти, пропагандировавшийся православной церковью, поиски национального идеала в рамках концепции “Русской идеи”, которые он считает непосредственными культурными предшественниками независимых общественных организаций советского и постсоветского времени (диссидентов, неформалов, альтернативной печати и т.д.) [ibid].

Естественно, что подобные идеи получили популярность среди российских политологов “демократического” направления, также пытавшихся найти основу русского “демократизма” в далекой российской истории. Типичный пример такого подхода — стремление видеть повсюду в российской истории борьбу “демократической” и “авторитарно-патриархальной” политических культур. Например, в одном из учебников читаем, что кроме авторитарной, “в русской истории существует и другая — демократическая — традиция. У нее глубокие корни, и она несет сильный отпечаток патриархальных отношений. Классическим примером служат Новгородская, Псковская и Вятская вечевые республики, просуществовавшие до их присоединения к Московскому государству в XV в. Вдали от крепостничества и деспотизма формировалась казацкая вольница. Российское государство управлялось не только централизованной администрацией. Когда нужен был общий совет, созывались земские соборы. Сельские общества, охватывавшие 5/6 населения, оставались во многих отношениях вне влияния бюрократии” [Лепешкин 1993: 260-261]. Другой пример подобного подхода — книга А.В.Оболонского “Система против личности”, в которой вся российская история (как, впрочем, и мировая) рассматривается сквозь призму борьбы “двух взаимоисключающих взглядов на мир” — системоцентризма и персоноцентризма [Оболонский 1994: 9].

Несмотря на острую критику авторитаристов сторонниками теории “двух культур”, ими, по сути, используется столь же антиисторическая методология: современные представления и цели приписываются идеологам и движениям совершенно других эпох, но не по одной, а по двум линиям. В результате, условно говоря, Иван Грозный провозглашается сторонником автократии, а Степан Разин — демократии. Безусловно, российская история может дать сколь угодно примеров как борьбы за абсолютное самодержавие, так и за его ограничение, как за централизованное правление, так и за большую роль местного самоуправления, как закрытости общества, так и его открытости. Тем не менее, исторический подход требует признать, что до определенного времени ни одно из этих направлений не было связано ни с борьбой за “демократию”, ни с борьбой за “гражданское общество”, так как самих таких понятий до недавнего времени не существовало не только в России, но и нигде в мире.

Классические примеры древнерусской “демократии” — Новгородская и Псковская вечевые республики — безусловно, не были “демократическими”

в современном смысле. Особенно очевидно это проявляется в механизме принятия решений. Как справедливо отмечает В.И.Сергеевич, “счета голосов... вовсе не делалось по той причине, что большинство... не считалось достаточным для решения дела... требовалось или единогласное решение, или такое большинство, которое ясно видно без всякого счета голосов. Это должно быть подавляющее большинство, которое заставляло бы смолкать всех разномыслящих” [Сергеевич 2006: 49]. В случае с вечевыми собраниями в Новгороде, Пскове и других древнерусских городах мы имеем дело с явлением, принципиально не похожим на демократические институты в классическом понимании, с их уважением к правам человека, гарантиями прав меньшинства, свободой оппозиционной деятельности и т.д.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКИМИ КУЛЬТУРАМИ

Сторонники теории “авторитаризма” утверждают, что советский период с его централизацией власти и пренебрежением к интересам личности стал логическим продолжением извечного российского “авторитаризма”, а советский “тоталитаризм” — лишь закономерным результатом всего российского исторического развития. Большевики, согласно этой теории, были в гораздо большей степени российскими традиционалистами, чем марксистами-интернационалистами [Brzezinski 1976: 70-71]. По мнению Р.Такера, в российской истории вообще ничего не меняется и каждому событию или фигуре в советской истории можно найти аналогию в российском прошлом. И.В.Сталин напоминает ему Ивана Грозного, М.С.Горбачев — Александра II, крах социализма предстает новым смутным временем и т.д. [Tucker 1992: 175-196].

Некоторые разногласия среди “авторитаристов” существуют по вопросу о том, традиции какого периода унаследовал СССР. Одни из них, например, З.Бжезинский, Т.Самуэли и Г.Зимон, вообще относят господство авторитаризма ко всей российской истории. Согласно взглядам С.Уайта и Р.Пайпса, напоминающим официальную советскую идею о том, что революция 1917 г. была подготовлена всем развитием империализма, *большевицкий тоталитаризм* возник как продолжение социально-политического развития России начала XIX — начала XX вв., когда страна превратилась в “полицейское государство” (термин Р.Пайпса) [см. также White 1979: 168].

Мнение Э.Кинана несколько иное. Он считает весь послепетровский период неудачной попыткой изменения устойчивой “московской” политической культуры, ее “дестабилизации”, а большевизм — ее восстановлением, “рестаблизацией” и “реинтеграцией” [Keenan 1986: 164-172]. В результате “политическая культура, возникшая и стабилизовавшаяся приблизительно к концу 30-х годов XX в., характеризовалась таким большим количеством черт прежней традиционной политической культуры — в новом синтезе — что в длительной исторической перспективе новое может рассматриваться как продолжение старого” [ibid.: 167].

Существуют и другие мнения. Так, А.Безансон считает, что СССР “лишь силуэтом напоминает дореволюционное общество, но лишено цвета крови и тепла жизни... За одним исключением: все, что служило резервуаром государственной мощи — армия, национализм, военная технология, разви-

вается, как раковая опухоль” [Безансон 1984: 31]. Эта позиция близка к упомянутой выше теории “двух культур”.

Особняком стоит позиция М. Раэффа, согласно которому большевистский режим уничтожил социальные основы обеих противостоящих друг другу дореволюционных культур — интеллигенцию и крестьянство, а вместе с ними и возможность преемственности [Raeff 1993: 100, 106].

При знакомстве с этими мнениями бросается в глаза то, что ни одно из них не ново. То, что по вопросу о соотношении досоветских и советских политических идей можно занять две крайние позиции — прошлое все предопределило или большевики полностью отбросили прошлое, либо какую-то промежуточную, — сами россияне поняли сразу же после революции. Уже в 1918 г., еще находясь в России, Н.А. Бердяев написал следующие слова: “На поверхности все кажется новым в русской революции — новые выражения лиц, новые жесты, новые формулы господствуют над жизнью... Но попробуйте проникнуть за поверхностные покровы революционной России в глубину... Если пойти в глубь России, то за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи” [Бердяев 1991: 251].

Идеи преемственности большевистской России по отношению к царской Н.А. Бердяев последовательно развивал во многих своих произведениях. В то же время сами большевики и некоторые крайне правые представители эмиграции считали, что старая Россия окончательно разрушена и большевистский СССР — это совершенно новая цивилизация, созданная чуждой традиционной России марксистско-коммунистической идеологией (естественно, оценивалась она по-разному) [в более позднее время — см. Солженицын 1954: 49-86]. Спор этот велся и на Западе. Первоначально широкое распространение вне России получили теории, согласно которым советский режим преуспел в формировании “нового человека”, поэтому официальная идеология вполне может рассматриваться как разделяемая населением. В рамках теории “тоталитаризма” в советской идеологии находили больше общего с фашистскими идеологиями Германии и Италии, чем с идеями, распространенными в дореволюционной России. Однако, начиная с Гарвардского проекта, исследователи начали уделять внимание различиям между официальной идеологией и реально распространенными представлениями [Inkeles, Bauer 1959]. Одно из объяснений таких различий было найдено во влиянии “традиционных” российских идей.

Мифы о российской политической культуре, политика и научные исследования

Противопоставление России и Запада имеет давнюю историю. Ни один из признаков, выдвигаемых современными политологами в качестве “фундаментальных различий”, не оригинален — о них писалось с XVIII в. Подход этот непосредственно связан с другим фундаментальным западным представлением — о коренном различии между Западом и Востоком, заимствованным в Европе из сочинений древнегреческих авторов. По сути, он стал переложением греческих представлений о противостоянии мира цивилизации и мира варваров, на которые позднее наложилось противопоставление христианского и нехристианского миров, географически совпавших (в западных представ-

лениях) с Европой и Азией после захвата арабами-мусульманами большей части христианской Азии и Африки. Рассматривая развитие этой идеи, необходимо иметь в виду две ее особенности: 1) непосредственную ее связь с политическими взглядами ее сторонников и противников и 2) ее явную европоцентричность, т.е. подразумеваемое в ней представление о превосходстве европейской цивилизации. Как показано выше, идеи отсутствия феодализма и частной собственности, всемогущества монарха и противостояния государственных чиновников простому народу стали составной частью концепции азиатской деспотии с XVII в., когда эта концепция стала одним из элементов политической борьбы в Европе, в особенности во Франции.

Политическое использование описаний Востока как иллюстрации того, чего не надо делать на родине, перенос европейских представлений о деспотии на иные цивилизации под влиянием произведений древнегреческих, римских и европейских философов характерны и для последующих сторонников противопоставления Востока и Запада, в частности Ш.Монтескье и Ж.-Ж.Руссо. В контексте теории противопоставления мыслили и многие авторы XIX в., например, Гегель, считавший, что на Востоке царит полный застой и нет даже философии, и унаследовавший многие его идеи К.Маркс.

Этой традиции противостояла другая, апологетическая, сторонники которой, пропагандируя идеи просвещенного абсолютизма, изображали “восточные” государства, в особенности Китай, как царство мудрости и чести, в которых государь-философ управляет вместе с философами-чиновниками. В этом духе писали о Востоке в частности Вольтер, Ф.Кенэ и А.Тюрго.

Две тенденции в отношении к странам Востока нашли свое отражение и в подходе к России, в частности, к поражавшим воображение европейцев реформам Петра I. Те из европейских авторов, кто видел в петровских реформах стремление просвещенного абсолютизма к прогрессу и улучшению жизни своих подданных, например, Вольтер, оценивали их положительно. Другие, в частности Ш.Монтескье и Ж.-Ж.Руссо, атакуя абсолютизм, критиковали Петра за тиранические методы. Мыслители эпохи Просвещения рассматривали Россию в рамках существовавшего противопоставления Восток—Запад, по разному решая лишь вопрос о том, куда ее отнести [История в Энциклопедии... 1978: 175-179].

Многочисленные европейские путешественники, торговцы и участники посольств, приезжавшие в Россию с давних времен, также рассматривали ее сквозь призму собственной культуры и политических взглядов. Часть из них, применяя к России шаблон деспотизма, явно преувеличивала результат — для наглядности, доходчивости и доказательности собственной политической позиции. Другие, напротив, описывали Россию как европейскую страну, используя привычные понятия и порой приводя ее в пример собственным правительствам. Первую группу описаний часто используют сторонники теории “авторитаризма”, однако на каждого критика России всегда можно найти ее апологета.

Обе тенденции скорее могут характеризовать европейскую мысль, чем российское (или другое неевропейское) общество, так как обеим свойственен крайний европоцентризм, т.е. понимание того, что естественным и нормальным является привычное состояние европейского общества, или идеал, который все равно основан на развитии этого общества в желательном

направлении. То, что соответствует этому идеалу в другой стране, признается положительным, движение в эту сторону — прогрессом. Все же остальное — “сплошной застой” и отсталость, без различия периодов и стран. В приложении к России этот подход наиболее последовательно выражает французский политолог А.Безансон. Повторяя идеи, более полутора столетий назад высказанные П.Я.Чаадаевым, он утверждает, что ни истории в собственном смысле, ни исторической преемственности вообще у России не существует, а есть лишь “каталог пустых и отживших форм” [Безансон 1984: 32-33].

Психологически такой подход легко объяснить. Когда европеец приезжает в Китай или Японию, первое время все местные жители кажутся ему на одно лицо, так как они все отличны от европейцев. Лишь спустя некоторое время он начинает понимать, что местные жители весьма отличаются друг от друга. Однако многие европейцы не подозревают о том, что китайцы и японцы, впервые попадая в Европу, чувствуют себя точно также. Есть в других странах и прямые аналогии теории восточного деспотизма. Для многих неевропейских мыслителей вся европейская (“западная”) мысль, культура и история, независимо от периода и страны — это лишь индивидуализм и эгоистическое стремление к материальным благам, грозящие нарушить социальный и природный баланс. Например, согласно китайскому мыслителю XX в. Лян Шумину, западная цивилизация наиболее примитивна, направлена на удовлетворение материальных потребностей людей. По его мнению, прогресс цивилизации будет заключаться в последовательной смене западных материалистических ценностей сначала социальными китайскими, а затем духовными индийскими [Лян Шумин 1922]. Узнают ли в зеркале подобных теорий свое отражение сегодняшние западные теоретики борьбы цивилизаций, извечного восточного деспотизма и российского авторитаризма?

Таким образом, хотя свидетельства путешественников обоих направлений и представляются важными историческими источниками, совершенно несерьезно использовать их некритически, как это делают такие сторонники “авторитаризма”, как Р.Пайпс, Т.Самуэли, Т.Ремингтон и др., не учитывая целей авторов и их собственных представлений и включая в свой арсенал только те из них, которые работают на сложившуюся концепцию.

В самой России обсуждение ее места в рамках противопоставления Восток—Запад стало одной из ключевых тем общественной мысли с XIX в. Ранее противопоставление шло скорее не по государственной, а по религиозно-культурной линии — русские мыслители, после падения Византии рассматривавшие Русь как центр истиной веры (культуры) — православия, противопоставляли ее всему неправославному миру. Такой культуроцентризм характерен отнюдь не только для России; подобные концепции (эллины—варвары, Китай—варвары, мусульмане—неверные) существовали во многих странах.

В XVIII в. общепринятым мнением в России была ее принадлежность Европе. Это было официально подтверждено и в “Наказе” Екатерины II: “Россия европейская держава есть”. В XIX в., в особенности в правление Николая I, власти стали активно пропагандировать идеи отличия стабильной России от мятежной, разделенной на классы и зараженной революцией Европы. Идеи противопоставления России Европе активно использовались оппозиционными движениями. Одни из них стремились к европеизации страны, другие

считали, что ее особенности, прежде всего, деревенская община, превосходят европейское устройство и могут способствовать созданию более совершенного общества. Приход марксизма в Россию означал победу идей всеобщности истории. Многие работы основоположника русского марксизма Г.В.Плеханова и один из первых трудов В.И.Ленина “Развитие капитализма в России” посвящены доказательству того, что у России и Европы один путь — к социализму через капитализм. Догматично трактуемая идея единства мировой истории, согласно которой все страны проходят в своем развитии пять одинаковых этапов, стала основой официальной советской исторической теории. Именно в борьбе с ней либеральные и оппозиционные обществоведы, стремясь объяснить трагедию советского периода с помощью теории “азиатского способа производства” К.Маркса и его замечаний о России, вернулись к противопоставлению России и Запада, которое стало вновь популярно в отечественной политологии.

Параллельно с политическими идеями о соотношении России и Запада, лишь косвенно связанными с изучением конкретных вопросов российской истории, развивалась собственно историческая наука. Именно ее достижения, а не пересказ давно устаревших теорий русских философов и публицистов, а также впечатлений европейских путешественников, могут дать новый материал для изучения российской политической культуры. Однако работы российских и советских историков по конкретным вопросам русской истории, — не говоря уже о летописях и актах, произведениях русских мыслителей допетровского времени, архивных материалах и других источниках, — фактически не используются современными исследователями российской политической культуры.

Вместо объективного научного подхода в различных трактовках российской политической культуры явно просматривается тенденциозность, связанная с политической позицией авторов. Сторонники теории “авторитаризма” и противопоставления России и Запада обычно (хотя и не всегда) занимали крайне “правую” позицию в отношении СССР и продолжают занимать ее в отношении России. Конкретно это выражается в призывах к жесткому давлению, “сдерживанию”, окружению России прозападными (т.е. проамериканскими) режимами, отрывом от нее как можно большего количества “культурно-западных” государств и территорий. Типичные представители этой линии — З.Бжезинский и Р.Пайпс (оба имели возможность осуществлять свои идеи, работая в администрации США). Сегодня они и их сторонники решительно выступают за продвижение НАТО вплоть до Украины в качестве гарантии максимального расширения “западной цивилизации”, одновременно утверждая, что Россия все равно не способна в нее включиться.

Представляясь многим эффективным средством борьбы за “западные” интересы, эта тенденция часто критикуется “левыми” (в США — “либералами”) за ошибки в прогнозах демократических реформ в СССР. “Правые” критикуются также за недальновидный и эгоистичный подход, благодаря которому западная цивилизация, получив “мелкую рыбешку”, упустит крупную рыбу — Россию, не только не способствуя ее “вестернизации”, но и вызвав в ней консервативно-националистическую реакцию. “Левые” отмечают, что история знает примеры, когда подобный подход приводил к катастрофе, например, во время Первой мировой войны, когда западные союзники тре-

бовали от России продолжать военные действия, несмотря на революцию. В результате союзники, победив в войне и решив одну проблему, получили еще бóльшую проблему в виде коммунистического СССР.

Подобная критика обычно раздается со стороны политологов, занимающих более умеренные позиции, к ним относятся и сторонники теории “двух культур”. В период существования СССР они обычно выступали за мягкую линию, разрядку напряженности и расширенное сотрудничество, считая, что рост контактов с Западом будет способствовать “вестернизации” СССР и росту реформаторских сил и настроенной. Они призывают рассматривать Россию как часть, или потенциальную часть Запада и считают, что, оказав поддержку ее реформам, можно добиться ее вестернизации [Petro 1995: 178-179].

С точки зрения прогнозов развития ситуации, и та, и другая группа допускала серьезные просчеты. Многие “авторитаристы” до последнего момента отказывались признать фундаментальный характер изменений, происшедших в СССР в последний период его существования, а до этого вообще не допускали даже возможности изменений. Например, делая вывод из своего анализа политической культуры Московской Руси, якобы возрожденной в СССР, Э.Кинан писал, что стареющее поколение советских руководителей стабильно и сильно, а более молодое состоит либо из монархистов, либо из циников, поэтому “идушее на смену поколение внутри истеблишмента не будет способствовать и, вероятно, не претерпит, реальных изменений” [Keenan 1986: 179-180]. С другой стороны, прогнозы “либералов” о скорой вестернизации России также оказались недостаточно обоснованными.

Конечно, в оправдание позиции “авторитаристов” можно, как это делают некоторые авторы, говорить о том, что в России и после падения коммунизма по-прежнему ничего не изменилось, и любое действие ее руководства оценивать как возрождение имперских амбиций. Но это можно уподобить стремлению полагать, что ничего не меняется и в Северной Америке, что и до Войны за независимость, и после нее, и до отмены рабства и после, и до достижений движения за гражданские права в 1960-е годы и после США в принципе остаются все той же страной, а обретение независимости, отмена рабства, предоставление избирательных прав женщинам, неграм и индейцам, политика Ф.Рузвельта и Р.Рейгана — это все мелкие изменения, не внесшие значительных коррективов в политическую культуру страны. Или почему бы не выделить единую политическую культуру Британии, не замечая “непринципиальных изменений” — римского завоевания, прихода христианства, англосаксонского и норманнского завоеваний, разрыва с католицизмом, гражданской войны, создания государства всеобщего благоденствия после Второй мировой войны, современного смешения народов, языков, культур?

Признание фундаментальных культурных изменений вовсе не означает отрицания преемственности. Однако к проблеме преемственности и инноваций нужно подходить исторически, не перенося, как это делают и “авторитаристы”, и сторонники “двух культур”, современные политические представления вглубь веков и не ища подтверждения своих политических позиций в односторонне подобранном материале по истории России и в устаревших теориях общего характера. Как требовал еще М.Вебер, политические задачи должны быть отделены от задач научного исследования. Кроме того, в конце XX в. пора уже

прекратить переписывать и пересказывать из статьи в статью рассуждения стои и двухсотлетней давности о навсегда застывшем Востоке, умом непостижимой России и не сходящимся с ними динамичном Западе. Подробный разбор каждой из частей этих идеологических формул показывает, что и “Запад”, и “Восток” состоят из различных частей, которые развивались по-разному и характеризовались различными культурами в различные исторические эпохи. То же касается и России, в которой на протяжении эпох менялась и политика, и культура, и географическое очертание. Конечно, присутствовала и преемственность, но с исторической точки зрения гораздо разумнее искать преемственность между двумя близкими эпохами, например, Киевской и Московской Русью, СССР и постсоветской Россией, вместо того чтобы утверждать, что в XX в. была чудесным образом восстановлена культура XVI в. Такого не удалось сделать даже аятолле Хомейни, несмотря на проделанную им серьезную работу в этом направлении.

Исследования, проводившиеся в последние годы, в частности, — авторами этих строк, показывают, что политическая культура каждой данной эпохи является продуктом сочетания эволюции культуры непосредственно предшествующего периода и внешних влияний. Она находится в процессе постоянного изменения, причем каждый временной срез несколько отличается от предыдущего. Преемственность в этих условиях тем слабее, чем дальше данная эпоха отстоит от современности [см. Лукин 2005]. В связи с этим, культура современной России, несмотря на все различия, намного ближе культурам современных Британии и Китая, чем культуре жителей Киевской Руси, язык и привычки которых современным людям были бы просто непонятны.

Исходя из этого, перед исследователями политической культуры вообще и России в частности встает задача гораздо более глубокого изучения систем представлений конкретных эпох. На первом этапе необходимо сравнивать близкие, идущие непосредственно друг за другом периоды, подробно изучать механизмы социализации, преемственности и инновации, и лишь на этой основе переходить к более общим выводам. Пока на этом пути сделано лишь весьма немного. За рубежом опубликованы исследования политических представлений советского периода, основанные на опросах эмигрантов из СССР [см. Inkeles, Bauer 1959; Millar 1987]. Есть исследования таких источников, как протоколы допросов НКВД, справки и отчеты этой организации, документы из партийных архивов, письма граждан в государственные органы и т.п. [см., напр. Miller, Reisinger, Heslie 1992; Советский... 1993]. Выходят работы и по другим эпохам, основанные на архивных материалах — судебных делах, допросах, письмах, иных документах, в которых отражались представления населения [см., напр. Kivelson 1997; Kollmann 1999]. Однако результаты этих исторических работ практически не отражаются в трудах политологов, особенно российских, где специалисты по политической культуре за редким исключением продолжают воспроизводить абстрактные и малообоснованные суждения, в основном перепевая на разные мотивы темы из российской публицистики XIX — начала XX вв. и рассматриваемых выше трудов западных “советологов”.

После того, как в конце 1980-х годов в СССР появилась возможность проводить опросы общественного мнения, как в России, так и за рубежом поя-

вился ряд эмпирических работ по политической культуре постсоветского периода [см., напр. Miller, Reisinger, Heslie 1992; Советский... 1993]. Конечно, все эти источники не безупречны, порой недостаточное внимание уделяется проблеме искажений и методологии анализа источников. Тем не менее, эти исследования основаны на реальных документах, а не общих рассуждениях, и уже поэтому заслуживают внимания. Работа эта находится на начальном этапе и, несмотря на большое количество различных опросов, обобщающих исследований пока еще немного. Кроме того, качество и объективность данных опросов за последние годы значительно снизились в связи с вмешательством государства в исследования общественного мнения. В любом случае, изучение политической культуры конкретной эпохи, механизмов восприятия нового и сохранения старого даст гораздо больше для понимания истории и настоящего России (и других стран), чем абстрактные рассуждения о сущности “русского духа”, “русской идеи”, “русской системы” или “западной цивилизации” вне времени и пространства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1913 г. известный социолог и будущий первый президент Чехословакии Томаш Масарик опубликовал двухтомный труд “Россия и Европа”. В нем он писал о том, что европейские сравнения русских с остальными народами Европы нужно воспринимать с “критической осторожностью”, поскольку “часто это были всего-навсего краткие и поверхностные замечания”, в то время как в самой Европе еще недостаточно выяснены такие вопросы, как греческие и римские культурные влияния на галлов, германцев, южных славян и другие народы, в чем состоит оригинальность самих греков и римлян и каковы специфические признаки англичан, немцев и французов, которые отличаются друг от друга не меньше, чем русские от них. Он спрашивал, “в чем же именно заключаются подлинные, самобытные черты русского и европейца, в какой мере указанные самобытность и неповторимость присущи другим народам” и призывал к “критической ревизии” дискуссий о российской уникальности, основываясь “на социологическом и философско-историческом признании весомости как европейской, так и русской цивилизации”, но не на чувствах или политических пристрастиях [Масарик 2004: 55-57]. Почти столетие спустя приходится признать, что призыв Масарика не был услышан. Та же поверхностность до сих пор характеризует сравнительные исследования политических культур России и Запада, и поэтому призыв чешского ученого сегодня звучит еще более актуально.

Вопрос не в том, европейская или неевропейская страна Россия, не в том, может или не может она демократизироваться, препятствуют или не препятствуют ее традиции формированию гражданского общества и правового государства. Проблема в том, что обсуждение этих вопросов в XXI в. в общем плане, вне исторического контекста, представляется довольно пустым занятием (хотя изучение самого хода обсуждения, особенно в более ранний период, может быть полезным — не для понимания российских реалий, а как часть изучения истории идей).

Цель данной работы не в том, чтобы в очередной раз высказаться по этим вопросам. Мы лишь старались подчеркнуть два положения.

1. Хотя некоторые традиции и могут косвенно, через много поколений, значительно изменяясь в процессе передачи, сохраняться в течение длительного времени, они вряд ли способны predeterminedelyать или даже серьезно влиять на современную политику. Может ли немецкий нацизм быть выведен из немецкой традиции? Может, — например, как наследник “прусского духа”. А может ли современная немецкая демократия быть объяснена той же традицией? Может, даже с еще большими основаниями: учитывая традиционное немецкое уважение к закону и частной собственности, долгую историю феодальных отношений, демократический опыт Веймарской республики. Когда страны конфуцианского ареала были отсталыми и бедными, их положение часто объясняли традиционным авторитаризмом и коллективизмом конфуцианства, его недооценкой роли частной собственности, частной инициативы и торговли. Сегодня, когда большинство этих стран добились очевидных успехов на пути индустриализации и экономического прогресса, эти успехи объясняют той же конфуцианской традицией: коллективизмом, способствующим формированию эффективной корпоративной этики, ориентацией на четкую организацию и упорный труд. Подобные обоснования практически всего чего угодно можно легко найти и в российской традиции. Поэтому, хотя некоторые элементы древней и средневековой культуры в значительно измененном виде, пройдя через поколения социализации, вероятно, и могли сохраниться в России до современности, гораздо более обоснованным представляется искать объяснения нынешней ситуации в недавнем прошлом, а корни современной политической культуры — в представлениях непосредственно предшествующего периода.

2. Постоянные повторения устаревших теорий и глобальные обобщения на их основе представляют собой не современную политическую или историческую науку, но свидетельства удручающего невежества и научной лени. Тем не менее, подобная деятельность стала занятием многочисленных зарубежных и отечественных политологов. Реальные научные результаты может принести только глубокое изучение конкретных периодов на основе исторических источников и документов. Только из результатов такого изучения можно создать прочный фундамент сравнительной политологии, которая в противном случае может превратиться в пустое интеллектуальное упражнение.

Алаев Л.Б. 2000. Частная собственность на землю в древней и средневековой Индии. — Л.Б.Алаев: *Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах*. М.

Безансон А. 1984. *Русское прошлое и советское настоящее*. Л.

Бердяев Н.А. 1991. Души русской революции. — *Вехи. Из глубины*. М. (Впервые издано в 1918 г.).

Бернье Ф. 1936. *История последних политических переворотов в государстве Великого Могола*. М.

Васильев Л.С. 1990. После банкротства. Так что же происходит с КПСС? — *Новое время*, № 49.

Восленский М.С. 1991. *Номенклатура: господствующий класс советского общества*. М.

История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. 1978. Л.

Копанев А.И. 1978. *Крестьянство Русского Севера в XVI в.* Л.

Лепешкин Ю.В. 1993. Что главное в политической культуре? — *Политология на русском фоне*. М.

- Лукин А.В. 2005. *Невежество против несправедливости. Политическая культура российских "демократов" (1985-1991)*. М.
- Лян Шумин. 1922. *Дун си вэньхуа цзи ци чжэсюе* ("Культура Востока и Запада и их философия"). Шанхай.
- Маркс К. 1962. *Капитал*. — К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. 2-е издание, т. 25, ч. 2.
- Масарик Т.Г. 2004. Россия как уменьшенное подобие всего мира. — *Россия в глобальной политике*. Т. 2, № 4, июль-август.
- Меликсетов А.В. 1977. *Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927-1949)*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Милль Дж.С. 1980. *Основы политической экономии*. М.: Прогресс.
- Оболонский А.В. 1994. *Драма российской истории: система против личности*. М.
- Пайпс Р. 1993. *Россия при старом режиме*. М.
- Полное собрание русских летописей* (ПСРЛ). 1998. Т. 1. М.
- Савин. А.Н. 1930. *Век Людовика XIV*. М.
- Сергеевич В.И. 2006. *Древности русского права*. Т. 2. *Вече и князь. Советники князя. М. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов*. 1993. М.
- Солженицын А.И. 1954. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни. — Солженицын А.И. *Публицистика*. Т. 1, Ярославль.
- Brzezinski Z. 1976. *Soviet Politics: From the Future to the Past*. — P.Cocks, R.V.Daniels and N.Whittier Heer (eds.). *The Dynamics of Soviet Politics*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Friedrich C.J. and Brzezinski Z. 1966. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*, N.Y.: Praeger Publishers.
- Inkeles A., Bauer R.A. 1959. *The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Keenan E.L. 1986. Muscovite Political Folkways. — *The Russian Review*, vol. 45.
- Kivelson V.A. 1997. *Autocracy in the Provinces: Russian Political Culture and the Gentry in the Seventeenth Century*. Stanford: Stanford University Press.
- Kollmann N.S. 1999. *By Honor Bound. State and Society in Early Modern Russia*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- Millar J.R. (ed.). 1987. *Politics, Work and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Miller A., Reisinger W., and Heslie V. (eds.). 1992. *The New Soviet Citizen: Public Opinion and Political Transformation in the Gorbachev Era*. Boulder, Colo.: Westview.
- Petro N.N. 1995. *The Rebirth of Russian Democracy: an Interpretation of Political Culture*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Raeff M. 1993. The People, the Intelligentsia and Political Culture. — *Political Studies*, vol. XLI.
- Reynolds S. 1994. *Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. Oxford: Oxford University Press.
- Tucker R.C. 1992. Sovietology and Russian History. — *Post-Soviet Affairs*, vol. 8, № 3.
- White S. 1979. *Political Culture and Soviet Politics*. L.: Macmillan.
- Willson D. H. (ed.) .1963. *King James VI & I*. L.: Jonathan Cape.
- Wittfogel K.-A. 1957. *Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power*. New Haven, Conn.: Yale University Press.